

Воскресенье, 5-е сентября, 1971 год.

Римус всю неделю игнорировал ребят, как только мог. Этому искусству он научился ещё в приюте — чем меньше тебя замечают, тем лучше, и ещё лучше, если никто о тебе вообще ничего не знает. (В приюте его всё-таки частенько колотили и окунали головой в унитаз, но к другим относились так же, и в целом никто никогда не старался специально сделать его жизнь труднее.) Конечно, Джеймс, Сириус и Питер были совсем не похожи на ребят из приюта. Они были теми, кого Надзирательница назвала бы «воспитанными».

По Сириусу и Джеймсу особенно сильно было видно, что у их семей имелись деньги. Он слышал это по их разговорам о доме, даже то, как они разговаривали, выдавало настоящих аристократов: каждая гласная и согласная были отчетливо слышны. Римус внимательно слушал их и решил про себя впредь постараться проговаривать все звуки.

И дело было не только в произношении, но и в том, что именно они говорили. Римус рос со взрослыми, которые постоянно рывкали: «Молчать!», и с детьми, которые дразнили его ботаником, если слышали от него больше слов, чем было крайне необходимо. Джеймс и Сириус разговаривали будто персонажи книг; в их словах было столько точных метафор и едкого сарказма. Их огнестрельное остроумие, по мнению Римуса, было гораздо страшнее удара в лицо — по крайней мере, боль от удара прошла бы гораздо быстрее.

Пока что он избегал ребят, уходя на долгие прогулки по замку. В приюте у него было очень мало личной свободы, чаще приходилось сидеть в своей комнате. А в Хогвартсе, похоже, не существовало места, куда бы нельзя было пойти, и Римус намеревался изучить каждый сантиметр этого странного места.

Им выдали карты, чтобы помочь находить кабинеты, но Римус обнаружил, что они крайне упрощены. Например, на карте не было случайно обнаруженного им секретного прохода, который вёл из подземелья в женскую уборную на первом этаже. Он понятия не имел, зачем кому-то потребовался проход между двумя этими помещениями, и в первый раз, когда он им пользовался, столкнулся с крайне раздражённым призраком, который наорал на Римуса и бросил в него мыло. Ещё было бы полезно, думал Римус, оживить карту так же, как и портреты — тогда он смог бы отслеживать глупые передвижения этих лестниц. Он был уверен, что как минимум один кабинет тоже передвигался в пространстве, потому что он никогда не находил его в одном и том же месте.

Воскресным днём Римус с ужасом ожидал понедельника, который станет не только первым днём после полнолуния, но и днём начала их уроков. После ужина — который Римус провел в одиночестве, сидя через несколько мест от Сириуса, Джеймса и Питера — он быстро направился в кабинет Макгонагалл. Она ждала его вместе со школьной медсестрой, с которой его уже познакомили. Она была доброй и приятной женщиной; пусть и немного слишком деятельной.

— Добрый вечер, мистер Люпин, — улыбнулась Макгонагалл. — Спасибо за пунктуальность. Следуйте за нами.

К удивлению Римуса, они повели его не в подземелье, как он думал, а на улицу, к очень большому изогнутому дереву. Гремучая Ива появилась здесь недавно — Дамблдор в своей речи в самом начале года объяснил, что это подарок от выпускника Хогwartса. Римус думал, что кто бы её ни подарил, он, должно быть, ненавидел Хогwartс, потому что дерево было не только уродливым, но и безумно агрессивным.

Когда они приблизились к нему, профессор Макгонагалл совершила кое-что настолько невероятное, что Римус чуть не вскрикнул от шока. Казалось, она исчезла — внезапно уменьшилась, пока её совсем не стало. Зато на этом месте появилась гладкая полосатая кошка с жёлтыми глазами. Мадам Помфри не высказала удивления, когда кошка подбежала к дереву, которое размахивало ветками, словно обиженный ребенок. Кошка невредимой приблизилась к самому стволу и нажала лапой на один из корней. Ива мгновенно застыла на месте. Римус и мадам Помфри продолжили идти, пока не подошли прямо к дуплу внизу дерева, которого Римус раньше не заметил. Внутри их ждала Макгонагалл, которая снова стала человеком.

Проход был освещен приглушённым зеленоватым светом факелов на стенах и заканчивался дверью. Она вела внутрь небольшого дома, который выглядел давно заброшенным. Окна были заколочены, а двери заперты.

— Вот мы и пришли, — Макгонагалл старалась говорить радостно, хотя место было довольно унылым. — Я надеюсь, вы понимаете, что мы не можем остаться, но если хотите, мадам Помфри может подождать снаружи, пока... трансформация не закончится.

Римус пожал плечами.

— Я буду в порядке. Как мне вернуться утром?

— Я приду, как только встанет солнце, — пообещала мадам Помфри. — Залатаем вас и отправим на уроки, никто даже не заметит, что вас не было, — она улыбнулась, но глаза оставались грустными. Из-за этого Римусу стало не по себе. Хотя к этому времени ему было не по себе абсолютно из-за всего, его волосы кололись, кожа казалась слишком тесной, температура поднялась.

— Вам лучше уйти, — быстро сказал он и ушел в пустую комнату. У одной из стен стоял диван с чистыми простынями. Похоже, его поставили сюда для него.

Две женщины ушли, крепко заперев дверь за собой. Он услышал бормотание Макгонагалл, и ему стало интересно, какие заклинания она накладывала на дом. Что бы это ни было, это было лучше, чем те ужасные серебряные пластины.

Он посидел немного на диване, затем снова поднялся, не находя себе места. Он начал мерить шагами комнату. Иногда ему казалось, что волк захватывал его мозг быстрее, чем тело, и когда за окном совсем стемнело, его чувства обострились, он почувствовал острый укол голода в желудке. Римус быстро снял одежду, не желая ее разорвать. Глухая боль начала сковывать его суставы, пока он лежал на диване. Это было самой худшей частью. Он слышал стук своего

сердца, скрежет сухожилий, пока они растягивались, и кости и зубы стачивались друг о друга, вытягиваясь в длину, череп ломался и менял форму.

Он стонал и шипел, пока боль не стала нестерпимой, и тогда он закричал. Он мог лишь надеяться, что школа достаточно далеко и никто его не услышит. В общем трансформация занимала около двадцати минут — хотя, конечно, он никогда не засекал время. После этого память затуманивалась, он не мог вспомнить, что происходило, когда он превращался в волка. Эта первая ночь в Хогвартсе осталась в его памяти размытым пятном, но он проснулся с меньшими ранами, чем обычно. Наверное, волк просто обнюхивал эту незнакомую территорию, проверял границы дозволенного. Скорее всего, он кидался на двери и окна в какой-то момент, потому что левый бок еще несколько дней потом оставался расписанным синяками.

Обратная трансформация была такой же неприятной — разбивающее, ломающее ощущение, которое выбивало воздух из легких и заставляло тело взрываться болью. Он вытер слезы и заполз на диван, благодарный за тихий час сна перед тем, как солнце окончательно встанет.

Мадам Помфри вернулась, как и обещала. Она положила свои прохладные ладони на его горячий лоб и заговорила успокаивающим тоном:

— Мне не нравится, как ты выглядишь, — сказала она, когда он открыл свои сонные глаза. — Это просто безумие идти на целый учебный день в таком состоянии. Ты совсем вымотан!

Никто никогда не выражал такое беспокойство за него, и ему стало неудобно. Он оттолкнул её руку и начал одеваться.

— Всё нормально. Я хочу пойти.

Она заставила его выпить что-то, прежде чем позволила встать — у напитка был холодный металлический вкус, но он почувствовал себя лучше. Он поспешил в гриффиндорскую башню, чтобы как можно быстрее надеть форму, он не хотел пропустить завтрак, он умирал с голода.

— Где ты был?! — пристал к нему Джеймс, как только он ввалился в комнату. Все трое уже были одеты и готовы к выходу — если не брать в расчет волосы Джеймса, которые всегда торчали на затылке.

— Нигде, — Римус прошел мимо него, чтобы взять свои вещи.

— У тебя всё нормально? — спросил Сириус, отводя взгляд от зеркала, у которого он приглаживал свои волосы.

— Да, — добавил Джеймс, с подозрением глядя на Римуса. — Ты как-то странно выглядишь.

Римус нахмурился:

— Отвалите.

— Мы просто спросили, — сказал Питер, уперев руки в бока. Они все смотрели на Римуса, который собрался было снять футболку, но вовремя вспомнил о синяках.

— Что?! — зарычал он. — Вы собираетесь смотреть, как я одеваюсь? Все богатые детки такие педики? — он бросился в ванную со своей одеждой в руках и захлопнул за собой дверь. Через несколько секунд он услышал, как Питер ноет, что он голодный, и они все ушли.

<http://tl.rulate.ru/book/59042/1563734>